

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. Б. Куделин
г. Москва, Россия

НЕСТИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОДРАЖАНИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Аннотация: В статье на широком материале мировой литературы рассматриваются нестилизационные подражания, подвергшиеся детальному анализу в книге Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы». Углубленное исследование материала средневековых литератур Ближнего и Среднего Востока позволяет расширить наши представления о данном художественном средстве средневековой литературы. Развитие известных историко- и теоретико-литературных представлений в последние десятилетия дало новый импульс для переосмысления проблем литературного развития на региональном и межрегиональном уровнях, проблем творчества отдельных представителей этого процесса вплоть до пересмотра некоторых итогов развития мировой литературы в Средние века. В контексте нового подхода к средневековой литературе как к *особому* периоду в истории мировой литературы со своим *особым* типом художественного сознания в статье предлагается новая теоретико-литературная интерпретация *нестилизационных подражаний* в качестве одного из действенных художественных средств средневековой литературы.

Ключевые слова: нестилизационные подражания, стилизации, Д. С. Лихачев, мировая литература Средних веков, художественные средства древнерусской литературы, средневековые литературы Ближнего и Среднего Востока, *назира*, соперничество.

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин — доктор филологических наук, профессор, академик РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: abkudelin@rambler.ru

Дата поступления статьи: 12.02.2018

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Куделин А. Б. Нестилизационные подражания как явление мировой литературы Средних веков // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 101–112.

В классическом труде «Поэтика древнерусской литературы», впервые увидевшем свет в 1967 г., в разделе «Поэтика литературных средств» Д. С. Лихачев рассмотрел некоторые «наиболее типичные» «художественные средства древнерусской литературы» — метафоры-символы, стилистическую симметрию, сравнения, нестилизацион-

ные подражания. Целью анализа избранных художественных средств, по словам ученого, было «показать различие стилистических средств средневековья и стилистических средств нового времени» [13, с. 208].

Продолжая исследование Д. С. Лихачева в избранном направлении, попытаемся в настоящей статье расширить и углубить предпринятый им анализ одного из перечисленных средств — нестилизационных подражаний.

Вначале представляется целесообразным напомнить об исходных позициях, которые сформулировал в 1967 г. Д. С. Лихачев при анализе нестилизационных подражаний.

Для выявления природы нестилизационных подражаний в древнерусской литературе принципиально важным для дальнейших рассуждений ученого является разграничение между явлениями «стилизация» и «подражания». Согласно Д. С. Лихачеву, «явления подражательности так же стары, как и литература, стилизации же появляются сравнительно поздно — с развитием индивидуальных писательских стилей и сопутствующим им ростом ощущения чужого стиля» [13, с. 184]. «То, что во времена Пушкина называлось “подражанием”, по существу было подражанием стилизационным. Для Пушкина стилизации были своего рода школой, в которой оттачивался его собственный индивидуальный стиль. Он как бы экспериментировал, типизируя стиль и содержание того автора, которому подражал» [13, с. 184]. Д. С. Лихачев подкрепляет свою позицию цитатой из труда В. В. Виноградова: стили «писателей мировой литературы служили ему (Пушкину. — А. К.) материалом для оригинального творчества» [8, с. 484]. «Поэто-му стилизации Пушкина носят творческий характер», — заключает автор «Поэтики» [13, с. 184].

Вслед за этим Д. С. Лихачев переходит от стилизационных подражаний к подражаниям нестилизационным — основному объекту своего исследования.

Нестилизационные подражания, о которых ведет речь в «Поэтике» Д. С. Лихачев, «носят совсем другой, механический характер». Ввиду важности формулировки ученого приведем большую цитату на этот счет из его работы. Нестилизационные подражания «заимствуют отдельные готовые элементы формы своего оригинала, но они не дополняют и не развивают оригинал творчески. Эти подражания не являются стилизациями... Отдельные элементы старой формы используются в новом произведении как своего рода украшения. Из этих украшений составляется мозаичная новая композиция. При этом элементы старой формы, приспособляясь к новому содержанию, часто деформируются, упрощаются, сокращаются. Заимствуются не все, а только некоторые элементы оригинала, и эти некоторые элементы по несколько раз повторяются в новом произведении: подражатель настойчиво применяет именно то, что ему понравилось в оригинале» [13, с. 185].

Важный элемент концепции нестилизационных подражаний в «Поэтике древнерусской литературы» — интерпретация их природы Д. С. Лихачевым. «Такие нестилизационные подражания, — утверждает Д. С. Лихачев, — существуют по преимуществу в эпохи, когда понятие литературной собственности отсутствует или носит неразвитый характер» [13, с. 185]. И далее ученый развивает свою мысль: «Нестилизационные подражания были широко развиты в древнерусской литературе конца XIV – XV в., а в значительной мере и в дальнейшем. Объяснялось это несколькими причинами. Одна из важнейших состояла в том, что с конца XIV – начала XV в. началось медленное восстановление русской литературы после полутора столетий иноземного ига, затормозившего ее развитие... И вот русские обращаются к культурным традициям домонголь-

ской Руси, ищут в них опоры для своего культурного возрождения, ищут в старине вдохновения и образов для заимствований... В литературе возникают многочисленные нестилизационные подражания отдельным произведениям XI–XIII вв., — подражания, которые инкрустируют в свой текст, отдельные стилистические формулы, отдельные образы, даже целые отрывки из лучших произведений эпохи расцвета древнерусской литературы...» [13, с. 185]¹.

Главную мысль о нестилизационных подражаниях Д. С. Лихачев формулирует строго определенно: «Для нестилизационных подражаний типично, что обычно объектом подражания избирается произведение с яркой стилистической характерностью, произведение своеобразное» [13, с. 189]. Так, в частности, как отмечает ученый, «объектами подражаний в конце XIV – XV в. служат “Житие Александра Невского”, “Слово о Законе и Благодати” Илариона, “Слово о гибели Русской земли”, “Повесть о разорении Рязани Батыем”, “Похвала роду рязанских князей”» [13, с. 189].

Д. С. Лихачев завершает свой разбор поэтики нестилизационных подражаний в древнерусской литературе демонстрацией основных приемов нестилизационных подражаний конца XIV – XV в. на примере «Задонщины» [13, с. 189–203]. Детальный анализ ученого завершается выводами, которые представляется целесообразным привести подробно.

«“Задонщина” имеет все черты нестилизационного подражания, тип которых широко представлен в древнерусской литературе» [13, с. 207–208]. «“Задонщина” — типичное для конца XIV – начала XV в. нестилизационное подражание памятнику эпохи независимости Руси — эпохи, к которой обращалась вся русская культура после куликовской победы» [13, с. 203]. «“Задонщина” представляет собой вполне типичное для конца XIV – начала XV в. подражание произведению эпохи независимости Руси. Она относится к периоду, когда русская литература начинала медленно возрождаться после застоя, вызванного полуторавековым чужеземным игом. Произведения этого времени обращаются как к своим образцам к лучшим памятникам эпохи расцвета и независимости Руси. Но это обращение своеобразно: из старых произведений извлекаются образы, обороты речи, формулы, которые затем инкрустируются в сочинения, посвященные современности» [13, с. 207].

Из анализа Д. С. Лихачева нестилизационных подражаний в древнерусской литературе следуют с непреложностью следующие выводы. Все подобные подражания оказываются «нестилизационного типа»: «это подражания, но не стилизации» [13, с. 189]. При ряде оговорок общий вывод ученого о нестилизационных подражаниях в древнерусской литературе сводится к тому, что в отличие от стилизаций, стилизационных подражаний, нестилизационные подражания не имеют определенно выраженного творческого характера, «не дополняют и не развивают оригинал творчески» [13, с. 185]. Интерес к нестилизационным подражаниям был обусловлен известными причинами на определенном этапе развития древнерусской литературы.

Прежде чем перейти к нашей части анализа данного художественного средства в мировой литературе Средних веков необходимо указать на принципиально важный

¹ Сходные мысли относительно природы нестилизационных подражаний в древнерусской литературе Д. С. Лихачев высказывает еще несколько раз в своей книге. Ср., например: «Много литературных произведений конца XIV – XV в. было посвящено куликовской победе 1380 г. (“Мамаеву побоищу”). Авторы этих произведений стремились придать им возможно более пышный характер. Для этого они обращались за отдельными стилистическими формулами к произведениям XI–XIII вв. <...> Аналогичные заимствования поэтических формул видим мы и в других произведениях конца XIV – XV в. ...» [13, с. 186–187].

элемент концепции нестилизационных подражаний у Д. С. Лихачева — наличие компаративного востоковедного материала, значение которого — при относительно небольшом его месте в книге ученого — переоценить невозможно. Всё дело в том, что Д. С. Лихачев, рассматривая проблемы нестилизационных подражаний в древнерусской литературе, мимоходом коснулся большого класса своеобразных литературных явлений, получивших широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке в Средние века и проблематика изучения которых имеет длительную историю, уходящую своими корнями далеко за время первой публикации «Поэтики древнерусской литературы». В труде Д. С. Лихачева данная проблематика, разумеется, не может претендовать на сколько-нибудь полное освещение, но ее присутствие симптоматично.

Чтобы не быть голословным, скажем определенно, о чем идет речь. Проводя разграничение между явлениями «стилизация» и «подражания», Д. С. Лихачев обращает внимание на явления, так сказать, переходные между подражаниями и стилизациями, обнаруженные им в восточных литературах:

Менее творческий, но все же творческий характер носят и стилизации, в которых форма и содержание оригинала не типизируются, а как бы продолжают. Так, например, восточные продолжатели Хафиза использовали и форму стихов Хафиза, и их общее содержание, лишь несколько его варьируя от произведения к произведению. Такие стихи воспринимали как стихи Хафиза не только их читатели. Их авторы искренне не считали себя их «авторами», а надписывая их именем Хафиза, как бы посвящали их ему, считали Хафиза не только вдохновителем этих стихов, но и своего рода автором. Поэтика этих стихов не отличается, по существу, от поэтики стихов Хафиза. Вот почему очень трудно атрибутировать стихи Хафиза из массы ему приписываемых.

Сказанное относится и к «Хайямиаде» — циклам «рубайи», написанным неизвестными авторами на темы Омара Хайяма и подражающим ему по форме. Эти стилизационные подражания — результат своеобразного «сотворчества»; подражатели, по существу, являлись продолжателями своих поэтических авторитетов [13, с. 184–185]².

Отдавая должное стремлению Д. С. Лихачева привлечь для своей концепции нестилизационных подражаний восточный материал, приходится тем не менее признать, что очень многое из сказанного им в данном отрывке о восточных нестилизационных подражаниях не в полной мере отвечало представлениям более ранней и современной ему востоковедной науки. Тем не менее следует отметить полезность введения компаративного восточного материала для освещения поднятой в нашей статье проблемы.

Итак, приступим к изложению известных в востоковедении представлений по данной теме, касающихся обширного класса явлений, получивших широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке в Средние века.

Прежде всего скажем несколько слов о наиболее распространенных терминах для обозначения восточных «подражаний». К их числу средневековые теоретики литературы относили *джаваб* (букв. «ответ»), *татаббу'* (букв. «следование»), *назира* (букв. «подобие»), *истикбал* (букв. «выход для почетной встречи»), *таклид* («подражание»), *пайрави* (букв. «ступание след в след»), *мукабила* (букв. «выход навстречу») и др., в целом более 10 терминов. Однако наиболее употребительными из них были первые 3. Содержание этих терминов в авторитетных трудах на арабском, персидском, тюркских

² В оценке «Хайямиады» Д. С. Лихачев опирается на мнение авторов публикации [2].

языках и урду точно не определяется, соответственно нет полной ясности и относительно границ определяемых ими явлений. Впрочем, нас сейчас интересуют не тонкие дефиниции, а существо явления, его наиболее характерные и повторяющиеся в большинстве видов «подражания» признаки.

Если «подражание» пишется на лирическое произведение, то в нем обязательно должны быть повторены метр, рифма, *реди́ф* (если он имеется), чаще всего тема и какой-либо художественный прием. При сочинении «подражания» повествовательного характера необходимо повторить поэтический размер, главные элементы фабулы, количество глав и т. п. По мнению выдающегося отечественного ученого Е. Э. Бертельса, условия «подражания» на эпическое произведение оказываются даже труднее, чем в лирике. «Берясь за такое произведение, — пишет ученый, — поэт должен заполнить промежуток между заранее намеченными узловыми точками совершенно по-новому, ввести иную мотивировку действий своих героев, изменить их характер и психологию» [7, с. 435].

«Подражания» писались не только на отдельное эпическое произведение, но и на их собрание. Наиболее известный случай — так называемая пятерица («Хамсе») Низами (ок. 1141–1209), имевшая многовековую традицию составления «подражаний». Важный элемент «подражаний» на Ближнем и Среднем Востоке состоял в том, что часто они писались на языке, отличном от языка «оригинала» (например, на тюркском в «подражание» произведению на персидском).

Приведем для иллюстрации несколько примеров средневековых подражаний из разных регионов Ближнего и Среднего Востока.

Панегирист мусульманской Испании Ибн Даррадж ал-Касталли (958–1030) сочинил по заказу правителя ал-Мансура касыду в «подражание» известному произведению выдающегося поэта аббасидского периода Абу Нуваса (756–758 – ок. 815 г.). Андалусский поэт повторяет рифму, размер и некоторые ведущие темы произведения своего предшественника. Однако, трактуя темы, затронутые Абу Нувасом, Ибн Даррадж, как правило, развивает их несколько подробнее. В итоге андалусец успешно справился со своей задачей и создал произведение, принесшее ему широчайшую известность «на Востоке и на Западе»³.

Фарсиязычный поэт Исфакхана Камал ад-Дин Исмаил (ок. 1172–73–1237) создал уникальное произведение, в котором в 94 строках (бейтах) 102 раза повторяется слово *му* («волос»). Сверхзадача поэта, по мнению З. Н. Ворожейкиной, состояла в том, чтобы, «строя многие десятки поэтических высказываний на основе одного и того же слова, искусно обыгрывая его в словообразованиях, идиомах и каламбурах», использовать «все смысловые “валентности” заданной лексемы» [9, с. 64]. Касыда «Волос», причисленная знатоками к высшим достижениям поэзии, вызвала поток «подражаний». Однако ни одному из последователей (в том числе и выдающемуся поэту Салману Саваджи) не удалось создать произведение, которое отвечало бы всем требованиям, предъявлявшимся к *назира* [9, с. 64–65].

Индийский персоязычный поэт Фани Кашмири (ум. в 1670 г.) написал свою поэму «Хафт ахтар» («Семь звезд») как «подражание» «Хафт пейкар» («Семь красавиц») Низами. Сюжетная основа первоисточника изменена, в ней отсутствуют образы царя-охотника Бахрама Гура, красавиц-рассказчиц. Одновременно Фани Кашмири вводит в поэму семь самостоятельных рассказов и т. п. Известная самостоятельность «подражания» очевидна, вместе с тем и его зависимость от «Семи красавиц» не вызывает сомнений [1, с. 9].

³ Подробнее см.: [11, с. 52–55].

Любопытно посмотреть, какое место занимало сочинение «подражаний» в творчестве авторов Ближнего и Среднего Востока, в литературном процессе этого обширного региона в целом. Известно, что поэт XIII в. Сайф Фергани в «подражание» одной касыде и 81 газели великого Саади (Са'ди) (1184–1298) создал около ста касыд и газелей. Таким образом, получается, что седьмая часть его касыд и газелей написана как «подражание» Саади [4, с. 85; цит. по: 3, с. 123]. В собрании произведений Абу Исхака Ат'има (ум. в 1433 г.) 90 газелей являются «подражаниями» 24 поэтам XIII – начала XV вв. и, следовательно, лишь 10 его газелей являются «оригинальными» [15, с. 26; 3, с. 124].

Широкое распространение «подражаний» на газели известных авторов нашло свое отражение в создании антологических сборников «Рада'иф ал-аш'ар» («Разряды стихов»), составленных из подобных произведений. Если судить по антологии Фахри Хирати, созданной в 1523 г., в XV – первой половине XVI вв. чаще всего создавались «подражания» газелям Амира Хосрова Дехлеви (1253–1325): на 48 газелей-«оригиналов» создано 308 «подражаний», Саади (1184–1298) соответственно 31 – 231, Джами (1414–1492) — 27 – 135, Хафиза (ум. в 1389 г.) — 23 – 125. Всего же в антологии Фахри 234 газелям-«образцам» соответствует 1399 газелей-назира, принадлежащих 276 поэтам [3, с. 130–131].

«Подражания» создавались на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении всего средневековья, начиная с X в. и вплоть до XX в. Интерпретация их природы средневековыми и современными учеными представляет для нас большой интерес. Общим элементом для тех и других является представление о «подражании» как о своего рода *соперничестве, состязании*. Из современных ученых впервые подобную точку зрения высказал, по-видимому, английский востоковед Х. А. Р. Гибб в конце XIX в. [3, с. 120]. Суть ее сводится к тому, что «подражатель» рассматривается не как бездумный копиист предшественника, а как его соперник. И это при том неременном условии, что объектом для «подражания», как и в древнерусской литературе, должны были становиться не рядовые, заурядные произведения, а превосходные, образцовые в том или ином отношении газели, касыды, месневи, сборники поэм и т. п. Удачным «подражанием» считалось лишь в том случае, если его автор смог превзойти предшественника в воплощении определенных элементов содержания или формы. Задача эта была необычайно трудной, и далеко не все «подражатели» оказывались на высоте. Так, средневековый филолог пишет об одном из шедевров арабо-испанской лирики — касыде «Нунийя» Ибн Зайдуна (1003–1071): «И эта касыда в своей совокупности несравненна, *подражали* ей многие, но оказались не в состоянии превзойти ее» (цит. по: [11, с. 54–55]). Джами писал об одном из поэтов: «Случилось так, что никто, как это требовалось, не справился с “ответом” на его известную касыду...» [3, с. 122]. В другом источнике находим: «Знатоки поэзии составили немало “ответов” на эту газель, но ни один из них не превзошел ее» (цит. по: [3, с. 122]). Однако история литератур Ближнего и Среднего Востока знает, разумеется, и немало случаев, когда «подражание» превосходило «образец» [1, с. 10]. Как бы то ни было, важно подчеркнуть, что сочинять «подражания» отваживался лишь автор, уверенный в своих силах, обладавший авторитетом в литературных кругах. Здесь будет достаточно сказать, что «подражания» на поэмы Низами писали такие выдающиеся авторы мировой литературы, как Амир Хосров Дехлеви, Алишер Навои, Джами, Физули.

Большинство современных исследователей, как уже говорилось, склонно рассматривать «подражания» как своего рода *соперничество, состязание*. В чем же состояла цель подобного соперничества?

С незапамятных времен бытует мнение, что «подражание» было действенным инструментом литературной борьбы между придворными поэтами, пытавшимися доказать свое превосходство над соперниками. Задача Алишера Навои, как она видится Е. Э. Бертельсу, состояла, в частности, в том, чтобы создать такие произведения, которые «могли бы выдержать конкуренцию и обратили бы в бегство своего противника». *Назира* была идеальной формой для решения этой задачи, поскольку ставила соперничавших авторов в равные условия: «Читатель-знаток, беря в руки произведение, написанное на уже давно известную тему... видел, как ту же самую задачу, решение которой известно, решали по-новому и, может быть, более изящным и оригинальным способом» [7, с. 435]. Известны случаи, когда поэты проверяли мастерство друг друга или новичка с помощью *назира*, либо устраивали нечто вроде поэтического состязания, в котором все участники должны были написать «ответ» на одно и то же стихотворение. Таким образом, по формулировке А. Мирзоева, измерял «силу своего таланта талантом других поэтов» (цит. по: [3, с. 120]).

Такой взгляд на «подражание» во многом оправдывается средневековой литературной практикой. Однако он не полностью раскрывает природу указанного соперничества. Обратимся в этой связи к факту, который, по словам Е. Э. Бертельса, до известной степени раскрывает технику поэзии XV в. Венценосный автор Султан-Хусайн, написав газель, «пишет еще две газели с той же рифмой и с тем же редифом. Иначе говоря, он как бы пишет “ответ” (назира) на свои же собственные стихи» [6, с. 61]. Подобный пример соперничества с самим собой был, по-видимому, относительно редок, но к нему, несомненно, примыкает более распространенное явление. Уже упоминавшийся поэт Сайф Фергани, написавший «ответы» на 81 газель Саади, 9 газелей своего великого современника удостоил двумя «ответами» [3, с. 123]. В этом случае автор вступает в соперничество не только с предшественником, но и самим собой.

Последние примеры говорят о том, что «подражание» не всегда было нацелено на то, чтобы «обратить в бегство своего противника». Можно даже сказать еще определеннее. Нормой для «подражания» является «мирное сосуществование» автора «образца» и авторов-«подражателей», соперничавших с ним. Турецкий поэт Азери (ум. в 1585 г.) в поэме «Накш-и хайал» («Узоры воображения»), написанной как *назира* к «Махзан ал-асрар» («Сокровищница тайн») Низами, в следующих словах пишет о своих предшественниках-«соперниках»:

Предводитель всего этого каравана (поэтов),
Владыка страны познания и таланта...
Низами, отмеченный печатью красноречия...
Сочинил совершенную поэму «Махзан ал-асрар»...
За ним последовал Хосров...
И его «Хамсе» стало озаряющим мир светочем...
И сочинил он книгу «Восхождение светил».
После него раздался глас Джами...
Теперь во владениях Рума живут красноречивые поэты,
И есть среди них великие мастера.
И каждый из них создал по одной поэме,
И написал ее в манере назире...⁴.

⁴ Перев. цит. по: [1, с. 10–11].

Из данного отрывка вовсе не следует, что турецкий поэт хотел «побить своих соперников их же оружием, а для этого нельзя было выходить за пределы намеченного ими круга тем» [7, с. 436]. Вряд ли Алишер Навои, к которому относится последняя цитата из Е. Э. Бертельса, «подражая» «Хамсе» Низами, хотел «побить» своего великого предшественника. И тем не менее он вступал с ним в диалог, отношения спора и соперничества, признавая и подчеркивая генетические связи своего произведения с произведением Низами.

Представление о *соперничестве* (даже трактуемом весьма широко) как об основе «подражания» не объясняет всех странностей этой формы творчества для современного исследователя. Вернемся к фразе о том, что касыда «Нунийя» Ибн Зайдуна несравненна, «*подражали* ей многие, но оказались не в состоянии превзойти ее». Если сохранить в ней средневековое существо дела, но наполнить ее именами и названиями из мировой литературы XIX–XX вв., она зазвучит как нонсенс: «В подражание “Милому другу” Ги де Мопассана сочинитель О. написал своего “Милого друга”, но оказался не в состоянии превзойти предшественника». Не спасает положения и широко употребляемое сегодня понятие «творческое подражание» вместо «подражания», которое ставит акцент на обязательности внесения изменений в «оригинал» при составлении «ответа» на него. Современного читателя и исследователя здесь должно удивлять некорректное уравнивание в правах автора «оригинала» и автора «подражания», а проще говоря, по нынешним представлениям: автора и его эпитона. Между тем такое уравнивание было совершенно обычным для средневековых писателей, читателей и ученых. В этом случае мы, несомненно, имеем дело со специфическими представлениями об авторской оригинальности не только в средневековых литературах Ближнего и Среднего Востока, но и во всей мировой средневековой литературе.

Подробнее других на данной стороне «подражания» остановился Е. Э. Бертельс. Многие его суждения и сегодня, по прошествии нескольких десятилетий (значительное число работ было написано в 40–50-е годы прошлого века), заслуживают пристального внимания. Ученый считает неверным называть авторов *назира* «подражателями», ибо это свидетельствует об антиисторическом подходе и непонимании специфики литературы феодального общества, стремлении «мерить все явления прошлого на свой аршин». В этом обществе выбор тем был «крайне ограничен» «узостью интересов, замкнутостью жизни, медленностью самого ее темпа». По этой причине авторы, даже имевшие возможности обновить тематику (было бы просто нелепо, например, сомневаться в том, что Навои при желании мог бы ввести в литературу новую тематику), не стремились выходить за пределы намеченного традицией круга тем. Узость тематики при интенсивной литературной жизни привела к «чрезвычайной чувствительности к культуре слова» и разработке представлений близких к концепции «искусства для искусства», поскольку «часто целью произведения был лишь показ мастерства в обработке хорошо известного сюжета». Вместе с тем было бы неверно полагать, что при таком взгляде на литературу значительно умаляется ее общественная ценность, поскольку «талантливый писатель и в этих трудных, сковывающих полет его мысли условиях, сумеет воздействовать на мысли и чувства читателя и раскрыть перед ним новые, ему дотоле неизвестные стороны человеческой души» [7, с. 435–436].

Суждения Е. Э. Бертельса о «трудных, сковывающих полет... мысли условиях», в которых средневековый автор создавал свои *назира*, были данью теоретико-литературным представлениям определенной эпохи и сегодня нуждаются в корректировке. Средневековые литературы Востока и Запада отличаются ярко выраженным традицио-

нализмом, обуславливающим специфику их художественной системы. «Подражания» типа *назира* были распространены не только на Ближнем и Среднем Востоке. В сборниках вагантов встречаются многочисленные произведения, разрабатывающие сходные мотивы и образы. Каждое такое произведение было результатом не переделок, а «подражания, это не “порча текста”, а творческое соревнование», настаивает М. Л. Гаспаров [10, с. 471–472]. Разные виды «подражания» в средневековой литературе объединялись общей нацеленностью на творческое отношение к «первоисточнику», на *соперничество* и *соревнование* с ним.

Понятие *состоязания* было одним из центральных для системы средневековой литературы. Оно зиждилось на внеисторизме (аисторизме) традиционалистского художественного сознания. Произведения древнерусской литературы «жили многими столетиями», «в письменности было “одновременно”, а вернее вневременно все, что написано сейчас или в прошлом» – говорит Д. С. Лихачев [13, с. 20, 94–95]. Аисторизм выражался в «снятии» хронологической дистанции при сопоставлениях: временной интервал в пятьсот и даже тысячу лет не смущал ученых, оценивавших результаты «состоязания», не учитывалась принадлежность сопоставлявшихся авторов не только разным эпохам, но и разным литературам и культурам.

Непременным условием *состоязания* в средневековую эпоху было твердое убеждение авторов-«соперников» в единственности и неизменности во времени (сколь бы продолжительным оно ни было) самой цели, к которой они стремились. Идея «абсолюта», недостижимого жанрового или стилистического канона, создавала базу для корректных сопоставлений. Оригинальный автор, создавший первое произведение на какую-либо тему, рассматривался всеми как человек, совершивший необходимый шаг к единой для всех цели. Оригинальный автор, в средневековом представлении, лишь «опередил» соперников в соревновании, «обогнал» на пути к объективно данной, предвечной, единой и обязательной для всех авторов цели.

Такое понимание «оригинала», «образца» придавало ему две важных особенности. Во-первых, в глазах средневековых ученых он не мог быть совершенным, ибо истолкование предвечного положительно не могло быть исчерпывающим и окончательным. Во-вторых, «оригинал» в принципе не мог быть обнесен оградой собственности, ибо он был общей ценностью, являясь пусть первым, но все же одним из необходимых для всех шагов на пути постижения абсолюта.

Эти особенности определили характер отношения к произведению-«образцу» в литературной практике. Ни один «образец» не квалифицировался средневековыми учеными и авторами как раз и навсегда установленное лучшее достижение на пути к абсолюту. Последователи чувствовали себя обязанными совершенствовать «первооткрытие», чтобы еще дальше продвинуться по пути к абсолюту.

Таким образом, отношение к «образцам» было двойственным. Как достижение на пути к абсолюту, они требовали от последователей своего воспроизведения. Как плод человеческого разума, они не могли быть адекватным воплощением абсолюта и в принципе должны были обладать рядом несовершенств. Поэтому следование им не только допускало, но и предполагало одновременное изменение унаследованных «образцов» с целью дальнейшего приближения к абсолюту. И именно поэтому *назира* нельзя квалифицировать как «подражание», а авторов *назира* называть «подражателями», «копиистами» и — тем более — «эпигонами». Варьирование «образцов» в «подражаниях» последователей приобретало, таким образом, особый смысл, а индивидуальное и коллективное диалектически связывались между собой в цепи бесконечных взаимопревращений на пути безграничного совершенствования.

Подведем итоги рассмотрения проблемы нестилизационных подражаний в историко-поэтологическом аспекте. Развитие литературоведческой теории в последние десятилетия, переосмысление известных историко- и теоретико-литературных представлений в свете новых подходов дало новый импульс для переосмысления проблем литературного развития на региональном и межрегиональном уровнях, проблем творчества отдельных представителей этого процесса. «Старые» проблемы зачастую выглядят по-новому в контексте нового подхода к средневековой литературе как *особому* периоду в истории мировой литературы со своим *особым* типом художественного сознания и связанными с этим принципиально новыми воззрениями на традиционалистский канон, на статус средневекового автора, статус средневекового сочинения и пр. и пр.

Поясним нашу мысль небольшим примером относительно интерпретации творчества неоднократно упоминавшегося в нашей статье узбекского автора Алишера Навои.

Отечественное востоковедение уже давно отказалось от взгляда на Навои как на подражателя персидско-таджикским поэтам. Напомним, что такова была, фактически, позиция выдающегося российского ученого В. В. Бартольда: «В XV в. в Средней Азии, сначала в Самарканде, потом в Герате жил поэт Мир Али-Шир, сделавшийся классическим поэтом для всех мусульманских турок... Но и в то время и потом турецкая литература оставалась переводной или подражательной... На всем пространстве от Китая до Балканского полуострова и Египта турецкие писатели находились под влиянием персидских образцов...» [5, с. 245].

Подобный взгляд во многом основывался на том, что значительная часть произведений Алишера Навои была создана по методу *назира*⁵. В практическом, историко-литературном, плане этот вопрос, можно сказать, решен в конкретном сопоставительном анализе произведений Навои с произведениями предшественников, выявившем несомненный оригинальный характер сочинений узбекского автора. Однако в теоретико-литературном, поэтологическом аспекте данный вопрос, по нашему мнению, нуждается в более основательном рассмотрении в свете интерпретации нестилизационных подражаний, предложенной в нашей статье.

Идущая в отечественной науке во многом от Д. С. Лихачева линия понимания поэтики как «системы всего мировоззрения и мироповедения», как «системы идеологически реагирующей на мир формы» [12, с. 352] создает, как мы стремились показать, предпосылки для верного истолкования *нестилизационных подражаний* в качестве одного из действенных художественных средств средневековой литературы. Заложенные в Лихачевском подходе потенциальные возможности культурологических обобщений позволяют подняться от поэтологической интерпретации отдельного явления до выводов более высокого уровня, вплоть до пересмотра некоторых итогов развития мировой литературы в Средние века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Алиев Г. Ю. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. М.: Наука, 1985. 332 с.
- 2 Алиев Р. М., Османов М. Н. Омар Хайям. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 144 с.
- 3 Афсахзод А. Лирика Абд ар-Рахмана Джами. Проблемы текста и поэтики. М.: Наука, 1988. 326 с.

⁵ В этой связи актуальным до нашего времени остается вопрос об определении степени творческой свободы Навои в рамках данного метода. Подробнее см.: [14, с. 272].

- 4 *Афсахов А.* Сайфи Фарғони. Душанбе: Институт языка и литературы, 1976. 227 с. (на тадж. яз.)
- 5 *Бартольд В. В.* Мусульманский мир /первая публ. Пг., 1922/ // Сочинения. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ «Наука»), 1966. Т. VI. 784 с.
- 6 *Бертельс Е. Э.* Навои // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. М.: Изд-во восточной литературы, 1965. Т. 4: Навои и Джами. 499 с.
- 7 *Бертельс Е. Э.* Навои и литература Востока // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. М.: Изд-во восточной литературы, 1965. Т. 4: Навои и Джами. 499 с.
- 8 *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с.
- 9 *Ворожейкина З. Н.* Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время. XII – начало XIII в. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ «Наука»), 1984. 270 с.
- 10 *Гаспаров М. Л.* Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М.: Наука, 1975. С. 421–514.
- 11 *Куделин А. Б.* Классическая арабо-испанская поэзия (конец X – середина XII в.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ «Наука»), 1973. 191 с.
- 12 *Лихачев Д. С.* Отзыв на работу С. С. Аверинцева «Ранневизантийская поэтика» // Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 350–359.
- 13 *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1979. 360 с.
- 14 *Малехова А. Н.* Поэма Алишера Навои «Язык птиц» // Алишер Навои. Язык птиц / пер. С. Н. Иванова. 2-е изд. СПб.: Наука, 2007. 384 с.
- 15 *Мирзоев А.* Абу Исхак. Душанбе: Дониш, 1971. 148 с. (на тадж. яз.)

© 2018. Alexander B. Kudelin

Moscow, Russia

NON-STYLISTIC IMITATIONS AS AN EVENT IN WORLD LITERATURE OF THE MIDDLE AGES

Abstract: The present article, widely drawing on the works of the world literature, pays particular attention to the so-called *non-stylistic imitations*, which were closely analyzed by D. S. Likhachev in his study *A Poetics of the Old Russian Literature*. Our probing into the principles of medieval literature of the Near and Far East allows for deepening our knowledge of this particular technique informing the Medieval texts. New insights into historical and theoretical aspects of literary studies have spurred reconsideration of literary phenomena on certain regional and inter-regional levels up to overall reassessment of medieval literary development at large. Considering the Medieval period as *unique* in World studies, as emanating a *very particular* type of artistic consciousness, this article offers a new take on ‘non-stylistic imitations’ as an effective technique integral to Medieval literature.

Keywords: Non-stylistic imitations, stylization, Dmitry S. Likhachev, world literature of the Middle ages, artistic means employed by the old Russian Literature, the Medieval literature of the Near and Far East, *nazira*, poetic competition.

Information about the author: Alexander B. Kudelin — DSc in Philology, Full Professor, Academician of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Str., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: abkudelin@rambler.ru

Received: February 12, 2018

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Kudelin A. B. Non-stylistic imitations as an event in World literature of the Middle Ages. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 101–112. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Aliyev G. Ui. *Themes and Plots From Nizami Ganjavi in Eastern Literatures*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 332 p. (In Russian)
- 2 Aliyev R. M., Osmanov M. N. *Omar Khayyam*. Moscow, Publishers of the AS of the USSR Publ., 1959. 144 p. (In Russian)
- 3 Afsakhzod A. *The Lyrics of Nur ad-Dīn Abd ar-Rahmān Jāmī. The Issues of Textology and Poetics*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 326 p. (In Russian)
- 4 Afsakhov A. *Saif Farghani*. Dushanbe, The Institute of Language and Literature, 1976. 227 p. (In Tajic)
- 5 Bartold V. V. The Muslim World. (The 1st printing Pg., 1922). *Bartold V. V. The Works*. Moscow, Nauka, the Head Print House of Eastern Lit. at Nauka Publishers, 1966. Vol. VI. 784 p. (In Russian)
- 6 Bertels Ye. Ae. “Ali-Shir Nava'i.” *Selected Works. Ali-Shir Nava'i and Nur ad-Dīn Abd ar-Rahmān Jāmī*. Moscow, The Eastern Liteatures Ed. House Publ., 1965. 499 p. (In Russian)
- 7 Bertels Ye. Ae. “Ali-Shir Nava'i and Oriental Liteature”. *Selected Works. Ali-Shir Nava'i and Nur ad-Dīn Abd ar-Rahmān Jāmī*. Moscow, The Eastern Liteatures Ed. House Publ., 1965. 499 p. (In Russian)
- 8 Vinogradov V. V. *Pushkin's Style*. Moscow, The State Publ. House of Artistic Literature Publ., 1941. 620 p. (In Russian)
- 9 Vorozheikina Z. N. *The Isfahan School of Poets and the Literary Life of Iran during the Pre-Mongolian Epoch. The 12th – beginning of 13th cent.* Moscow, Nauka, the Head Print House of Eastern Lit. at Nauka Publishers Publ., 1984. 270 p. (In Russian)
- 10 Gasparov M. L. “The Poetry of the Goliards”. *The Poetry of the Goliards*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 606 p. (In Russian)
- 11 Kudelin A. B. *The Classical Arabic-and-Spanish Poetry (the End of the 10th – Beginning of the 12th cent.)* Moscow, Nauka, the Head Print House of Eastern Lit. at Nauka Publishers, 1973. 191 p. (In Russian)
- 12 Likhachev D. S. A Responce to S. S. Averintsev's study “The Early Byzantine Poetics”. *From the Past to the Future. Articles and Essays*. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 30–359. (In Russian)
- 13 Likhachev D. S. *A Poetics of the Old Russian Literature*. The 3rd ed., expanded. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russian)
- 14 Malekhova A. N. Ali-Shir Nava'i's Poem “The Birds' Language”. *Ali-Shir Nava'i. The Birds' Language*. Trans. by S. N. Ivanov. 2nd ed. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 384 p. (In Russian)
- 15 Mirzoyev A. *Abū Ishāq*. Dushanbe, Donish, 1971. 148 p. (In Tajic)

УДК 821.161.1
ББК 83.3(Рос=Рус)4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. В. М. Кириллин
г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ СОСТАВА ЭПИТЕТОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО В ПОСВЯЩЕННОЙ ЕМУ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Аннотация: В статье рассматриваются эпитетные характеристики Владимира Великого, содержащиеся в богослужебных текстах. Учитывая фактор их развития, автор выявляет сходства и различия в образных и оценочных аттестациях князя в плане эмоционального, экспрессивного или интенционального пафоса, динамику меняющихся фигуративно-аксиологических, духовно-поэтических представлений о нем, которая выражена тенденцией к увеличению, за счет лексической синонимии, количественной плотности эпитетов, а также тенденцией к усложнению их семантической и формальной, или структурной специфики. Но главным в развитии этого массива тропов является стремление гимнографов к расширению состава и объема метасмыслов, сопряженных с обладающими конкретной семантикой лексемами и фразами, так что поэзия слов и речи невербально уносила славящих Святого в область умозрительной, идеальной, духовной, горней реальности.

Ключевые слова: гимнография, служба, простой эпитет, сложный эпитет, троп, семантическое поле, идея, тема.

Информация об авторе: Владимир Михайлович Кириллин — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: kvladimirm@mail.ru.

Дата поступления статьи: 18.03.2018

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Кириллин В. М. Развитие состава эпитетов, характеризующих Владимира Святого в посвященной ему древнерусской гимнографии // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 113–136.

Корпус посвященных благоверному князю Владимиру Великому гимнографических текстов весьма объемён и разнообразен, он весьма показательно демонстрирует то, как воспринималась и оценивалась в средневековом русском обществе его личность с точки зрения мироустроительного величия его святости и в плане меняющегося со временем отношения к нему. Различные стихословия и песнословия включались в богослужебный обиход Русской Церкви в разное время и представляют собой разные по жанровой сути и форме тексты. Достаточно уверенно можно предполагать, что древнейшие из них должны были появиться до конца XII в. Это подтверждается известным свидетельством краткого, или проложного, «Жития», тогда уже существовавшего [9, с. 200; 15, с. 179]: «*Молебными пѣсньми память твою празднующе, похвалныя вѣнца приносим ти*» [15, с. 437]. Можно также не сомневаться в изначальной приуроченности первых

молебных песен в честь Владимира Святославича не ко дню его кончины, 15 июля по ст. ст., который в тот период, скорее всего, еще не отмечался как день его церковного поминания, а ко дню памяти об убийстве его сына Бориса, 24 июля, в который чествовался и другой его сын Глеб, убитый 5 сентября. Данная убежденность зиждется на факте уставного указания, читающегося в отрывке Студийско-Алексиевского устава конца XII или начала XIII в. (Курский областной краеведческий музей, № 20959), в сведениях за 24 июля о службе страстотерпцам: «*Утѣся житіе князя Володимира. В томъ есть и мучение святою Бориса и Глеба*» [28, с. 161 (№ 139)].

История владимирской гимнографии столь же сложна, как и история владимирской агиографии [15, с. 149–212]. Но если последней занимались многие исследователи, то посвященные крестителю Руси богослужебные тексты изучены плохо, и прежде всего в плане их литературного генезиса и идейно-содержательной специфики. Из отечественных ученых одни относили появление первых стихословий в честь равноапостольного князя к XI в. [38, с. 23; 11, с. 71, 250; 23, с. 404; 24, с. 444; 33, с. 83–85; 29, с. 69; 3, с. 69], связывая их с неким иноком Киево-Печерского монастыря Григорием [34], о котором известно по патерику этой обители, что он был «творцом канунов»¹; другие ученые склонялись к XIII столетию [5, с. 392; 13; 30, с. 207–208; 36], сопрягая возникновение самых ранних посвященных Владимиру гимнических текстов с официальным утверждением его церковного почитания. Эту точку зрения разделяет и последний исследователь рукописной традиции владимирской гимнографии Н. И. Милютенко. В итоге историографического обзора, отталкиваясь, прежде всего, от работы М. Н. Славнитского, а также в результате анализа рукописных и старопечатных источников, она достигла, думается, вполне резонного вывода о том, что отдельные прославляющие князя «молебные песни» могли появиться задолго до XIII в., в дальнейшем же владимирский богослужебный цикл перерабатывался (структурно и текстуально) на фоне отказа русского богослужения от традиции Студийского устава в пользу Иерусалимского обихода [14, с. 206–212; 15; 16].

Древнерусские рукописи свидетельствуют о весьма длительном процессе литургической ратификации службы Владимиру. В сохранившихся донныне самых ранних списках² содержится ее 1-я редакция, очень простая по составу (четыре стихиры вечерни: «О преславное чюдо, величавый разумъ...», «Дивная чюдомъ пучина, жестосердии...», «Радуйся, русская похвало...», «Начальника благочестью и проповѣдника вѣрѣ...» и далее канон: «Придите, братие, песнь духовную вси възопиемъ...» с заключительным светильном «Тихое пристанище»). Текст этой редакции издавался трижды. Святитель Макарий (Булгаков) опубликовал его по списку из Софийской библиотеки XIII–XIV в. [11, с. 250–254 (прим. 182)], который в настоящее время не идентифицирован [12, с. 622 (комм. 259*)]. Непосредственно по списку Соф. 382 и с указанием разночтений, характерных для других 30 списков служба Владимиру в 1-й редакции была издана упоминавшимся уже выпускником Санкт-Петербургской духовной академии М. Н. Славнитским³ в 1888 г. [30, с. 225–233]. Вместе с тем Славнитский выявил 2-ю редакцию (зафиксирована печатными служебными минеями начиная с издания 1629 г.⁴ и предшеству-

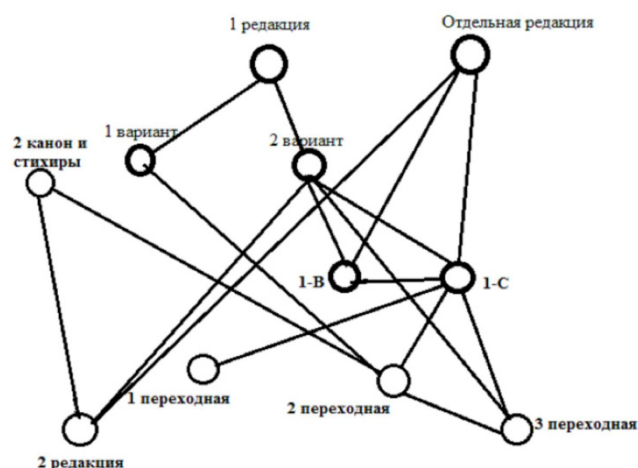
¹ В одном ряду с ним в патерике упоминается еще другой Григорий, «Чюдотворец», которому, помимо этого, посвящена отдельная новелла [6, с. 38, 42–46].

² Старейший — «Праздничная минея», не ранее середины XIV в.: РНБ, ОР, Соф. 382. Л. 67–71.

³ Сведения о нем: [8, с. 37].

⁴ Минея служебная: Июль. М.: Печатный двор, 1629. Л. 214–229 об.; Минея служебная: Июль. М., 1646. Л. 191 об. – 205 об.

ющими рукописными: старший список XV в.⁵, а также 3-ю редакцию⁶. Список Соф. 382 был использован как опорный и для современной научной публикации службы Владимиру в 1-й редакции [15, с. 478–489]. При этом установлена значительная вариативность по составу, структуре и словесной оболочке других списков данной версии, связанная с ходом формирования на ее основе 2-й редакции службы. Отдельные элементы последования (стихиры, тропари, седален, кондак, икос) в разных списках то наличествуют, то отсутствуют, меняются местами или функционально, возмещаются иными текстами, неустойчивы в плане лексического наполнения. Подобная литературная история характерна (правда, в меньшей степени) и для 2-й редакции службы. Но ввиду задач настоящего исследования важно отметить лишь то, что в ее составе первоначальный текст 1-й редакции обогащается комплексом новых стихословий и песнословий и, главное, новым, вторым, каноном: «Съвезначальное Слово, иже древле четыремъ стихимъ Творецъ...». К сожалению, текст 2-й редакции службы Владимиру научно, по рукописям, не издан. Но зато на основании списка из «Трефолога» XV в.⁷ опубликована схема последования этой службы [5, с. 521–522]. Кроме того, имеются отмеченные выше старопечатные минеи, в которых, правда, указанный новый канон перемещен со второго места (как в означенной рукописи) на первое, перед текстом более раннего канона из 1-й редакции службы, именуемого здесь, соответственно, «другим» или «иным». В своем труде Славнитский также опубликовал и 3-ю редакцию службы Владимиру [30, с. 233–237], которая, по его мнению, была составлена после Стоглавого собора 1551 г., причем в текстовом отношении почти независимо от более раннего последования в виде 1-й и 2-й редакций [30, с. 216–217]. Поэтому правильнее было бы считать ее не редакцией, а новой, или второй, службой. Уточняя и разрабатывая наблюдения и выводы своего предшественника, Н. И. Милютенко предложила, во-первых, называть данную версию «Исторической редакцией», так как, по ее мнению, она текстуально опирается на «Повесть временных лет»; во-вторых, указала на более раннее происхождение этой новой службы, в силу того что содержащий таковую список КБ 375/632, на самом деле, относится не к XVI в., как полагал Славнитский, а к 70–80 гг. XV в. [14, с. 9]; в-третьих, выявила значительно более сложную и разветвленную историю развития текста службы Владимиру от 1-й редакции ко 2-й, что прекрасно демонстрируется составленной ею стеммой [16, с. 363]:

⁵ РНБ, ОР, КБ 442/669. Л. 237 об. – 246 об.

⁶ Единственный список: РНБ, ОР, КБ 375/632. Л. 104 об. – 116.

⁷ РГБ, НИОР, Трц. 613. Л. 392–403.

При этом принципиально важно отметить, что если 1-я редакция 1-й службы Владимиру могла появиться в XIII в., то наиболее интенсивный период формирования на ее основе 2-й редакции приходится, видимо, на XV в. К концу этого столетия относится и появление новой, второй, или «исторической», службы в память о крестителе Руси.

Однако, судя по рукописям, в обиходе Русской Церкви, помимо относительно целостных последований, имела хождение еще и группа отдельных посвященных Владимиру песнословий, которые в течение XV в. были постепенно включены в ее состав. В этом отношении показательны нотированный «Стихирарь» 2 половины XIV в.⁸ и сохранившийся, к сожалению, только в поздних копиях сборник Матвея Кусова 1414 г. «Стихирарь» содержит две стихиры, вставленные в виде подклейки, причем синхронной работе над рукописью, в текст стихир святым мученикам Тарсийским Кирику и Иулитте (л. 182 об. – 184): «Придете, стецѣмъ ся вси къ чѣстнѣй памяти отьца Русьскаго...», «Апостоломъ ревнителя Володимера, преблаженнаго отьца...» [16, с. 9–10]. В сборнике Кусова сразу за текстом «Слова о Законе и Благодати» помещены эти же две стихиры, в дополнение к ним три тропаря: «Уподобивыйся купцю, ищюцю добраго бисера...», «Новый Костянтинъ ты бысть, Христа в сердци примъ...», «Правовѣрью наставнице и всея Руси просвѣтителю...», и затем уже в каноне Кирику и Иулитте, по 6 песни, читаются еще кондак: «В Руси днесь учитель явися...» и икос «Похвалимъ нынѣ новаго апостола в Руси...» [22, с. 68–69, 72; 15, с. 493]. Оба источника не были известны Славнитскому, но содержащиеся в них гимны Владимиру Святославичу были ему знакомы, поскольку встречались в разных более поздних списках службы. Разумеется, оснований для решительных утверждений недостаточно, но вот гипотеза, что означенные семь текстов как раз и суть те самые «молельные песни», о которых в XII в. упоминал автор проложного «Жития» Владимира, вполне, полагаю, правомерна. Конечно, если принять во внимание не только их изначально отдельное от службы крестителю Руси бытование и сопряженность со службой Кирику и Иулитте, но и то, что канон этим святым в сборнике Кусова (1 троп. 1 песни «Авраамовѣ вѣрѣ порѣвновавшѣ...»), написанный, как выяснилось [15, с. 6–7], святителем Германом, патриархом Константинопольским († около 741 г.), отражает, ввиду наличия в нем второй песни, древнюю богослужебную традицию, причем даже более древнюю по отношению к Студийско-Алексиевскому уставу, которым в соответствующий день предписывался уже сравнительно новый канон (1 троп. 1 песни «Воду прошед, яко сушу...» [26, с. 354]), созданный преподобным Иосифом Песнописцем († около 886 г.). И в этом есть очевидная закономерность. Во-первых, списки посвященных великому Киевскому князю Владимиру Святославичу агиографических и гимнографических текстов, судя по самым старшим и многим последующим, исключительно севернорусского бытования⁹, в частности новгородского (кстати, и первая Владимирская церковь возведена в Новгороде в 1311 г., видимо, в память об изначальном новгородском княжении крестителя Руси), что заставляет думать об инициаторской роли именно русского Севера в деле распространения и утверждения почитания Владимира¹⁰ уже после того, как Киев утратил свое прежнее определяющее политическое, церковное, духовное

⁸ РГБ, НИОР, ф. 113 (Волок.), № 3.

⁹ Из библиотек Софийского собора в Новгороде, монастырей Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Волоколамского, Соловецкого.

¹⁰ Схожее положение, только с уточнением применительно к Владимиро-Суздальской Руси, обосновано в работе Н. С. Серegiной [29, с. 70–71].

и культурное значение, т. е. отчасти после 1169 г. (в результате разорения от благоверного князя Андрея Боголюбского) и полностью после 1240 г. (в результате уничтожения войском хана Батые). Во-вторых, введенный преподобным Феодосием в Киево-Печерском монастыре во второй половине XI в. устав Студийского монастыря, несомненно, распространялся на Руси — в его богослужебной части (не говоря уж о дисциплинарной) — крайне медленно и новгородцами был принят очень нескоро. Этим обстоятельством и может быть обусловлен факт наличия славословий Владимиру и характер их распределения в Волоколамском «Стихираре» и в сборнике Кусова, а заодно оправдано и предположение об их древнем происхождении.

Таким образом, в распоряжении исследователей имеется весьма значительный комплекс прославляющих святого крестителя Руси гимнографических произведений. Однако, поскольку, как констатировала Н. И. Милютенко, текст 1-й редакции 1-й службы целиком вошел в состав текста ее 2-й редакции, в интересах настоящего исследования важны, прежде всего, начальная (вероятно, находящаяся в XIII или даже в XII в.) и конечная (падающая на 1629 г.) точки этой литературной истории¹¹. Первостепенный интерес представляют и семь отдельных гимнов Владимиру, а также факт появления новой или 2-й службы ему на исходе XV столетия.

Не думаю, что есть необходимость учета всего массива текстовых вариантов или нюансов, хранимых всеми рукописными источниками. Вряд ли будет принципиально ошибочной опора только на опубликованные стихословия 1-й и 2-й редакций 1-й службы Владимиру, новой службы ему и отдельных, возможно самых ранних прославляющих его семи гимнов. Для демонстрации динамики фигуративно-аксеологических представлений о святом князе этого материала будет достаточно. Но и в данном случае целесообразно ограничиться. Дело в том, что тексты из Владимирского гимнографического цикла согласно богослужебной поэтике (стихиры, тропари канонов, седальны, кондаки, икосы и т. п.) в жанровом отношении различны и, соответственно, различаются по объему, тематически, идейно-содержательно, функционально (не говоря уж об их месте и роли в композиции последований и об их интонационно-мелодических особенностях). Вместе с тем их можно разделить, как минимум, на две группы: одну группу составляют тексты исторического свойства и назначения, в которых, прежде всего, описываются действия восхваляемого лица или связанные с ним события, что, в сущности, является поэтической репликой на сведения ранних летописных, гомилетических и агиографических источников; другая группа представлена текстами прямо рефлексивного свойства и назначения, которые содержат образные и оценочные аттестации героя поэтического размышления, выражая отношение к нему. Тексты этой второй группы и являются наиболее привлекательными ввиду научных задач настоящего исследования. Именно они отражают развитие в контексте богослужения состава эпитетов и других образно-смысловых элементов (именований, ретроспекций, сравнений), характеризующих великого Киевского князя Владимира Святославича, и именно они, соответственно, фиксируют собой новый этап восприятия его святой личности.

К сожалению, художественно-изобразительной и семантической специфике владимирской гимнографии в научной литературе уделено совсем незначительное вни-

¹¹ Текст службы Владимиру в первой печатной минее 1629 г. условно принимается за конечную точку развития владимирской гимнографии, ибо ныне используемое последование службы князю отличается большим набором стихословий и даже некоторой структурной подвижностью (ср.: [20, с. 283–306; 17, с. 180–203]).

мание. В прошлом только Славнитский касался этой темы. В своем сочинении он дал обобщающую характеристику сравнений и эпитетов, сопровождающих имя крестителя Руси в посвященных ему стихословиях, но характеристику безотносительную к истории их пополнения и в отдельных случаях текстуального изменения [30, с. 218–224]. В наше же время единственно В. В. Василик и Е. В. Джиджора интересовались означенной проблематикой. Первый, например, писал о тематических и идейно-образных параллелях, наблюдаемых в стихословиях 1-й службы Святому в сравнении с древнейшими славянскими канонами: на обретение мощей Климента Римского и великомученику Димитрию Солунскому (темы просвещения, преодоления язычества, создания нового народа, небесного заступничества, а также уподобления императору Константину, пророку Моисею и апостолу Павлу) [3]. Исследователь, кроме того, размышлял о причинной сути характерной для Владимирской гимнографии идеи царского достоинства крестителя Руси и ассоциативном смысле выражающих эту идею образов [1; 2]. В свою очередь, Джиджора, размышляя над принципами построения образа Владимира Святославича, ограничивается, во-первых, материалом только 1-й редакции 1-й службы князю и, во-вторых, анализом лишь нескольких содержащихся в ней простых определений («благженный», «честный», «великий», «святый», «новый») к именованиям крестителя Руси, а также фактов чередования его личных имен: Владимир — Василий и фактов его уподобления пророку Моисею, апостолу Павлу и императору Константину. Все эти детали, по справедливому мнению исследователя, служат символизации образа князя как «благовестителя» [40]. Таким образом, оба исследователя владимирской гимнографии даже не затронули тему реконструкции картины развития духовно-поэтических представлений о Святом на основании сравнительного анализа отличающих его славение изобразительных элементов и интерпретации семантической многоликости и многоаспектности таковых.

Думается, означенную задачу можно решить через привлечение и сопоставление всех посвященных князю гимнов. Но методологически, полагаю, вернее при этом следовать принципу их отбора для сравнения по типу использованных при их составлении средств тропологии, т. е. вполне традиционных фигур художественной речи: эпитетов, атрибутивных и агентивных именований, исторических аналогий и сравнений.

Наиболее развитым в посвященных Владимиру Святославичу богослужебных произведениях является состав эпитетов. Не касаясь здесь по-разному рассматриваемой литературоведами и лингвистами проблемы формальных, содержательных и функциональных особенностей эпитета (и как разновидности художественного тропа, и как стилистического маркера [27; 35, с. 57–61; 37, с. 195–201; 4, с. 411–412; 21, с. 29]), отмечу только, что эпитет есть весьма показательное средство образной выразительности, которое, прежде всего, передает авторское экспрессивно-аксиологическое, идейно-эстетическое отношение к изображаемому, обусловленное индивидуальным либо коллективным видением и сознанием. При этом роль эпитета могут выполнять разные части речи и синтаксические единицы: не только прилагательные, но и существительные, наречия, причастия, деепричастия, а также причастные и деепричастные обороты [39].

Следствием признания святости Владимира Святославича стало, в первую очередь, количественное развитие состава эпитетов, сопровождающих упоминания о нем. Однако в панегирических и агиографических текстах Владимирского цикла, первоначальных по отношению к гимнографии, эпитеты сравнительно редки.

Таблица 1 – Table 1

«Слово о Законе и Благодати» Илариона	«Память и Похвала» Иакова Мниха	Проложное, или Обычное жите Владимира	4-я редакция Обычного жития Владимира
славный от славных			
благороден от благородных			
	благоверне (2)		
	христолюбиве		
честный и славный в земляных владыках			
премужественный			
Блажен	блаженный (7)	блаженный	
	треблаженный		
	божественный		
	послуживъ Богу всимъ сердцемъ и всею душою		
Правдою облечен			
крепостию препоясан			
истиною обуѣт			
Смыслом венчан			
милостынею яко гривною и утварью златою красуюся			
		принимый вѣнецъ от руки Вседержителя Бога	
		истерзавъ льстное тернье из Руси, взоравъ крещеньемъ всю Русьскую землю и насявы святыми книгами	
			се же, 30 лѣтъ и 3 бывъ въ святомъ крещеньи, вѣру чистую соблюдь, заповѣди свершивъ Господня, престаився, в руцѣ Божии душу свою предавъ

Но на следующем этапе сохранения памяти о крестителе Руси, уже в прославляющих его гимнах, картина меняется: число характеризующих Святого эпитетов резко вырастает, при этом они усложняются структурно и содержательно, согласуясь, очевидно, с развитием аксиологического фона почитания князя.

Таблица 2 – Table 2

	1-я ред. 1-й Службы, РНБ, ОР, Соф. 382, XIV в.	2-я ред. 1-й Службы по печ. Минее 1629 г.	Сборник Матвея Кусова 1414 г.	Новая или 2-я Служба по Минее из Кир.- Белоз. мон. кон. XV в. № 375/632 XVI в.
1		истинный же проповѣдатель (на вечерне 3 стихира 4 гласа: Якоже отецъ духовно)		
	1 стихира вечерни 8 гласа (О преславное чюдо):			
2a	великаго Василия нашего	великаго Василия нашего (на вечерне 1 стихира на стиховне 8 гласа: О преславное чюдо)		
2b				Великаго князя Владимира (уставное указание в начале службы)
	2 стихира вечерни 8 гласа (Дивная чюдомъ пучина)			
3a	князя вѣрнаго	князя вѣрна (на вечерне 2 стихира на стиховне 8 гласа: Дивная чюдесемъ пучина)		
	3 стихира вечерни 8 гласа (Радуйся, русская похвало):	≈		
4a	русская похвало	≈ (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
5a	блаженный Володимире	≈ (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
6a	чюдо чюдомъ преславное	чюдо чюдесемъ преславное (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
7	пристанище тихое	≈ (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		

8	всесвятый	всесвятый корени вѣры (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
9		божественный Владимире (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
10		напоенъ же Духомъ Пресвятымъ, возрастивый намъ вѣтви богосажденныя, цвѣтъ благоухания источающа, Бориса чюднаго и Глѣба ревнителя благочестію (на вечерне 4 стихира 4 гласа: Корень правовѣрія)		
11		от еллинъ родися и возлюби возлюбившаго ѿ Христа (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Придѣте стечемся)	отъ варагъ рождество възлюбивъ възлюбившаго ѿ Христа (стихира 8 гласа: Придѣте стечѣмся)	
	4 стихира вечерни на стиховне 8 гласа (Начальника благочестію):			
12	Княземъ рускимъ верховнаго	княземъ русскимъ верховнаго (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		
2b	великаго Володимира	великаго Владимира (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		
13a	апостоломъ равна, (хвалами и глѣсными духовными вѣнчаемъ, глаголюще)			Апостоломъ равнаго (уставное указание в начале службы)
13b		апостоломъ равнаго, хвалами и глѣсными духовными вѣнчаемаго, глаголюще (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		

14	Христовъ воине прехрабръй, яко томителя врага до конѣа погубивъ и насъ отъ лъсти его избавивъ	≈ (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		
15a	преблженне	≈ (стихира вечерни на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		
15a				преблженне (3 тропарь 9 песни канона 6 гласа)
16	всехвалне	≈ (стихира вечерни на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		
17		Уподобивыйся купцу, ищущу добраго бисера (на вечерне тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (уставное указание на тропарь 4 гласа Уподобивыйся в конце службы)
18a		славнѣдержавный (на вечерне тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (уставное указание на тропарь 4 гласа Уподобивыйся в конце службы)
5b		блженне княже (на утрѣне по 1 стихологии седален 1 гласа: Яко начальнику и корене вѣры)		Княже (стихословие без обозначения жанра перед заключительным тропарем Уподобивыйся)
13b		равноапостольне Владимире (на утрѣне по 1 стихологии седален 1 гласа: Яко начальнику и корене вѣры)		равне апостоломъ (стихословие без обозначения жанра перед заключительным тропарем Уподобивыйся)
13b				равне апостолом (стихословие без обозначения жанра в конце службы Яко начальнику крещения)
19		Научився неизреченною от Бога вышнего мудростию (на утрѣне по 2 стихологии седален 8 гласа: Научився)		Научився неизреченно от Бога вышнего Премудростию (уставное указание на седален 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)

20a		свѣтильниче свѣтлый Василие (на утрени по 2 стихологии седален 8 гласа: Научиися)		? (уставное указание на седален 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)
21		и обрѣтъ купель богомьсленую и духовную, скоро притеклъ еси (на утрени по полиелеосе седален 4 гласа: Скоро и твердо)		
22		скверну прегрѣшений очисти въ и люди своя освяти(в), молися (на утрени по полиелеосе седален 4 гласа: Скоро и твердо)		
15b		Владимира преблженнаго (на утрени стихира по 50 псалме 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)		
15c			Володимира треблаженнаго (2 стихира 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)	
3c		вождя правовѣрна (на утрени стихира по 50 псалме 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)	вожа правовѣрна (2 стихира 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)	
23			Христову бо вѣру от душа възлюбивъ (Кондак 3 гласа: В Руси днесь)	
5a ₁			блаженный Володимере, принимый вѣнецъ от руки Вседержителя Бога (стихословие 8 гласа без обозначения жанра: Новый Костянтинъ)	
24			благочестивы (стихословие 8 гласа без обозначения жанра: Правовѣрью наставнице)	
4b			цесарю русскый (стихословие 8 гласа без обозначения жанра: Правовѣрью наставнице)	

6b			преславный княже Володимиру (2 тропарь 8 гласа: Правосъвѣрью наставнице)	
5c		благженне (1 тропарь 3 песни 1 канона 8 гласа)		
5c		благженне (2 тропарь 6 песни 1 канона 8 гласа)		
25a		Радуйся, всечестне (3 тропарь 6 песни 2 канона 6 гласа)		
15a		Радуйся... преблагженне (3 тропарь 6 песни 2 канона 6 гласа)		
15a				преблагженне (3 тропарь 9 песни канона 6 гласа)
15b		преблагженнаго отца (по Евангелии и 50 псалме стихиры 8 гласа)		
	1 тропарь 1 песни канона 6 гласа:	≈		
25b	честнаго Володимира	≈		
2c	великаго князя			
	3 тропарь 1 песни канона 6 гласа:	≈		
3a	Вѣрнаго... кѣнязя	≈		
26	достохвалнаго кѣнязя			
	1 тропарь 3 песни канона 6 гласа: Иже Паула просвѣтомъ	≈		
4c	отца рускаго	≈		
4c		отца рускаго (на вечерне стихиры на Слава 8 гласа: Начальника благочестыю)		
4c			отца рускаго (1 стихиры 8 гласа: Придѣте стечемся)	
	Богородичен 3 песни канона 6 гласа	≈		
25c	Володимиръ кѣнязь честный	≈		
	Икос по 6 песни канона 6 гласа	≈		

27	Ангелъ плотню одѣянъ	≈ (икос по 3 песни канона 6 гласа: Ангелъ плотню одѣянъ)		Ангелъ плотню одѣянъ (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа)
28	Радуйся, свѣще, тьму просвѣщаючи			? (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа)
29	...свѣще, осушая невѣрие			? (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа)
3b	княже благовѣрный	≈ (икос по 3 песни канона 6 гласа: Ангелъ плотню одѣянъ)		≈ (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа: Ангелъ плотню одѣянъ)
	3 тропарь 4 песни канона 6 гласа			
13c	равноапостоле Христовъ	равне апостоломъ Христовымъ (3 тропарь 4 песни 2 канона 6 гласа)		
2c	княже великий Володимере	≈ (3 тропарь 4 песни 2 канона 6 гласа)		
	Кондак по 6 песни 8 гласа: Изрядному воеводе и правовѣрному		≈	≈
3c	правовѣрному		Изрядному воеводѣ и правовѣрному... (Кондак 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)	≈ (уставное указание на кондак по 3 песни канона: Изрядному воеводу)
3b	княже благовѣрный			благовѣрнаго... князя Владимира (уставное указание на кондак по 3 песни канона: Изрядному воеводу)
2b				...великаго князя Владимира (уставное указание на память дня в начале службы)
	3 тропарь 5 песни канона 6 гласа			
30	раве Христовъ	≈ (3 тропарь 5 песни канона 6 гласа)		
6c	славный мудрый	≈ (3 тропарь 5 песни канона 6 гласа)		

6d		славнаго князя Василия (1 тропарь 1 песни 1 канона 8 гласа)		
31		чюднаго князя Василия (2 тропарь 1 песни 1 канона 8 гласа)		
6e		славный (Богородичен 3 песни 1 канона 8 гласа)		
6e				Славне (на вечерне стихиры 8 гласа: Единъ, яко второе солнце в земли русстей явился)
32		Въ молитвахъ бдяй присно радостною душею, Василие... (Седален 2 гласа по 3 песни канонов: Въ молитвахъ бдяй присно)		
2d		великий и мудрый (3 тропарь 5 песни 2 канона 6 гласа)		
6f		в державныхъ сѣдинахъ всеславный (кондак по 6 песни 1 канона 8 гласа: Подобьствовавъ)		
6d		славнаго Владимира (икос по 6 песни 1 канона 8 гласа: Постытый древле)		
	1 тропарь 6 песни канона 6 гласа	≈		
3a	Василия вѣрнаго князя	≈		
33		благодушествуяй правовѣрный царь русский днесь Богородичен 6 песни 1 канона 8 гласа		
34		...Духъ Твой послалъ еси в крѣпкоразумнаго душу славнаго Владимира познати Тебе... (икос по 6 песни 1 канона 8 гласа: Постытый древле)		
6d		славнаго (икос по 6 песни 1 канона 8 гласа: Постытый древле)		
	1 тропарь 7 песни канона 6 гласа	≈		

35a	Константи́нъ же но́вый вели́кий	Константи́нъ же вели́кий но́вый		
35b			Но́вый Кости́нъ стихослове́ 8 гласа без обозна́чения жанра: Но́вый Кости́нъ ты бы́ть	
35c				Вто́рый ты бы́ть Кости́нънънъ сло́вом и дѣ́ломъ (тропа́рь 8 гласа)
	2 тропа́рь 8 песни кана́на 6 гласа			
35a	Кости́нънъ но́вый	Константи́нъ но́вый (2 тропа́рь 8 песни кана́на 6 гласа)		
5d	блаже́ный Васи́лие	блаже́нне Васи́лие (2 тропа́рь 8 песни кана́на 6 гласа)		
	Свети́лен: Ти́хое приста́нище			
6d	сла́вный кня́же Володи́мире			
35			Пре́чистъ и освяще́нъ ду́хомъ, прино́ся мо́лбы къ Бо́гу о люде́хъ свои́хъ (И́кос: Похва́лимъ ны́нѣ)	
36		благоче́ннне Влади́мире (Свети́лен: Свѣ́тилицы)		
37		днѣ́наго во свя́тыхъ (Свети́лен: Свѣ́тилицы)		
18b				всѣ́хъ ца́рю свѣ́тлый Васи́лио (3 тропа́рь 5 песни кана́на 6 гласа)

Как видно по таблице, структурно простые эпитеты, синтаксически тождественные простым определениям, отмечают свойства личности Владимира: его общественное (№№ 2abcd, 4a, 6abcde, 12, 13abc, 16, 18a, 19ab, 20abc, 35a, 25abc, 26) и частное (1, 2d, 3a, 23abc, 24, 35bc, 30, 34), нравственное (3ac, 18b, 20a, 24, 30) и духовное (3b, 5abcd, 7, 8, 9, 15abc, 31, 36, 37) состояние — прижизненное или же в Горнем мире. При этом, обладая вполне ясной семантикой, все они в силу своей типологичности в значительной степени лишены признаков яркой метафоричности и лишь условно могут быть отнесены к разряду фигуративных, иносказательных тропов. Содержательно и функционально они, скорее, логичны, предикативны, и художественными, образными могут считаться только с учетом отличающего их эмоционального, экспрессивного или интенционального пафоса. Вместе с тем рассматриваемые элементы богослужбных

текстов обусловлены несколько иным комплексом смысловых полей сравнительно с рефлексивными пассажами текстов митрополита Илариона и Иакова Мниха. Они не отражают идей учительства, милосердия, заступничества Владимира Святославича, но зато, в дополнение к идеям земной власти (12, 18a), подлинной веры (3c), пребывания в вечности (3b, 5abcd, 8, 9, 15abc), замещения (35abc), совершенства личностного (1, 18b), нравственного (3a, 20a, 24, 30), духовного (36, 37), интеллектуальной силы (2d, 6c, 34), соотносятся с идеями новыми: *исключительности* (37), *общественной авторитетности* (2d, 6abcdef, 12, 13abc, 16, 20a, 25abc, 26) и *этнической принадлежности* (4abc, 33).

Следует, в дополнение к сказанному, заметить, что при формировании владимирской гимнографии проявляется также тенденция к употреблению, наряду с простыми компонентами текста в роли эпитетов, компонентов структурно сложных, развернутых, выраженных определениями в виде причастного оборота (№№ 5a1, 10, 11, 13b, 14, 17, 19, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 32, 33, 35), и тенденция эта отражает текстуальное развитие службы Святому в целом. Подобные компоненты, генетически восходя по содержанию к предшествующей владимирской ораторике и агиографии, наделены уже более разнообразной семантикой, т. е. отражают определенные комплексы смысловых, настроенческих, целевых нюансов, имеют своей задачей описание или характеристику не только состояния, но и процесса, причем в разных аспектах времени, — применительно и к минувшему, и к настоящему, и к грядущему. Соответственно, они более изобразительны, характеристичны, идеологичны и, несмотря на свою типологичность, имеют свойства, наиболее близкие к свойствам эпитета. В аксиологическом контексте почитания великого Киевского князя они, во-первых, вслед за агиографической традицией, декларируют представление о нем как умудренной от Господа личности (19, 21), просветителе народа (22, 28, 29), одухотворенном источнике святости в Русской земле (10); во-вторых, отображают старые идеи панегиристов о поразительной тайне его духовного перерождения (11) и о его богоизбранности (5a₁), о преодолении им язычества (14) и его славлении равном славлению апостолов (13b); в-третьих, таят в себе новые аллюзии, касающиеся непринужденной *естественности его веры* (23), его *истовой молитвенности* (32, 35), его *душевной радости и доброты* (33¹²).

Наконец, среди структурно сложных гимнографических определений к именованиям Владимира Святославича встречаются и фигуративно оригинальные словосочетания, изобразительная емкость которых вполне позволяет считать их эпитетами, выражающими идеи нравственного совершенства «Уподобивыйся купцу, ищущу добраго висна» (17) и общественной авторитетности «в державных сѣдинахъ всеславный» (6f). Несомненно, эпитетом является и выражение «Ангелъ, плотию одѣвъ, (ты. — В. К.) на земли яви ся» (27), но оно, во-первых, есть вариант постоянного в гимнографии антиномического топоса: «В телеси ангелъ»¹³, «Яко ангелъ с плотию на земли, отче, пожил еси»¹⁴, «Ангелъ на земли»¹⁵, а во-вторых, является точным повторением выражения из греческой стихире Иоанну Златоусту («О труба златозвонная зова Господнего»), — «Ангел, плотью одетый» [25, с. 376 (пер. С. С. Аверенцева)], что весьма удивительно, ибо в славянской службе святителю эта стихира («Златокованную трубу, Богодохновенный орган...») имеет

¹² «Благодушествуй» — от «благодушествовати» (радоваться, быть благочестивым) и «благодушество» (великодушие, доброжелательность) [31, с. 202].

¹³ Служба Кириаку Отшельнику [19, с. 856 (тропарь)].

¹⁴ Служба Иоанну Александрийскому [18, с. 373 (тропарь)].

¹⁵ Служба Иоанну Златоусту [18, с. 403 (стихира)].

заметно иной текстовой вид, разбита на три части, и как раз в третьей части указанное выражение перефразировано: «Земный ангелъ и небесный человекъ» [18, с. 386, 404]¹⁶ (между прочим, в Службе Иоанну Златоусту по древнейшей ноябрьской минее указанная стихира отсутствует [28, с. 362–370]).

Любопытно, что в позднейшей новой службе оценочная квалификация крестителя Руси посредством простых определений редка (№№ 2b, 6e, 18b, 35c) и наличествует в основном благодаря заимствованию некоторых выражений и стихословий из более ранних последований (см. выше 3b(c), 13ab, 18ab, 20a). Зато развернутые эпитеты в форме причастных оборотов используются в новой службе весьма настоятельно, являя собой, пожалуй, главный прием изобразительности в рамках данного последования:

Таблица 3 – Table 3

Новая или 2-я Служба по Минее из Кир.-Белоз. мон. кон. XV в. № 375/632 XVI в.	
Имея ревность Божественную и прежде наученшаго беззаконнаго дѣяния брата убилъ еси, мзду же ревности приемъ, от всеицаго единачоу Господа наставляемъ, <u>разумомъ духовнымъ поучаемъ</u> , яко да спасенымъ обогатиши <u>разумомъ божественнымъ</u> .	(3 стихира 8 гласа)
Не от человекъ, званне, но от Бога стежавъ, славне, <u>умудрися разумомъ</u> и свѣтлоозарив си душу, свѣтло в Руси восия божественныя вѣры	(1 тропарь 1 песни канона 6 гласа)
Не удержавъ любви плотскихъ, Василие, равъ прежде имъ бывъ, но <u>разумъ возвысивъ къ Богу</u> , свободилъ еси себе от неплодныхъ дѣяний	(3 тропарь 1 песни канона 6 гласа)
Почтениемъ божественнымъ и мудроствоу си <u>озаривъ умъ</u> , взыскавъ любовию всесовершеннаго добротъ Бога обрести истиннаго Бога и держати его поклоняние	(1 тропарь 3 песни канона 6 гласа)
По всѣхъ частехъ земля расъпростеръ <u>разумъ</u> , съгладъ вси вѣры, чтимое тамо, къ истинному свѣту прежде прочее избратъ	(2 тропарь 3 песни канона 6 гласа)
Вѣтры южными ижгаемъ, нечестиемъ изъгаремъ, отечество яко видѣ безбожия пламень, къ водѣ крещения, <u>Господень разумъ имѣя</u> , возростилъ еси.	(3 тропарь 3 песни канона 6 гласа)
Научився неизреченно <u>вышнему премудростию</u> ...	(седален 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)
Тлѣмъ благодать презрѣвъ и благополученную гордость ничтоже мнѣвъ, извѣстѣя славу, богатство тверди взыскавъ, обрѣте всѣхъ Бога.	(1 тропарь 5 песни канона 6 гласа)
<u>Умъ разумѣвъ</u> еси лучшее <u>помысломъ</u> , вѣру идоломъ глухыхъ гнусну сущу и суетну, едину же вѣру злату свѣше приемъ, поклоняние Троици, божественное крещение	(2 тропарь 5 песни канона 6 гласа)
Отложи вѣру отчю, рождение же обзрѣте, Отца сущаго свѣту благодатию помазанъ сынъ ¹⁷ <u>Духомъ Святымъ</u> , всѣхъ царю свѣтлый Василию	(3 тропарь 5 песни канона 6 гласа)
Злаго невѣрствия и нечестивыи избѣжавъ, и ко истиннѣй вѣрѣ притече, сущимъ в тебѣ <u>разума</u> истинною всѣхъ къ вѣрѣ призывая яко проповѣдникъ и апостолъ	(1 тропарь 6 песни канона 6 гласа)

¹⁶ Ср.: «Иже на земли ангелъ и небесный человекъ» — Рукописная Минейя рубежа XIV–XV в. // РГБ ОР, собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 31 (1997). Л. 97 об.

¹⁷ Возможно, здесь ошибка, и нужно читать «сый».

Яко солнце расъпротеръ луча всюду благочестия добротами по землѣ Русѣй, и тму лукавыхъ отгналъ еси, благодатью в ней восия <u>Божия разума</u> (2 тропарь 6 песни канона 6 гласа)
Болящее исцѣлилъ еси лукавствомъ отечества нечестивыя болѣзни, омывъ банею божественнаго крещения, и научилъ еси вся <u>разуму божествуному</u> (3 тропарь 6 песни канона 6 гласа)
Небеснымъ свѣтомъ ты озаренъ от Бога, душу просвѣти, украсивъ ю благими вѣми дѣлы, и невѣсту Христову добрыми дѣлы приведе, божественною любовью (3 тропарь 8 песни канона 6 гласа)
Восиявшаго вѣмъ свѣтомъ <u>разумомъ</u> (Светилен на Слава)

Будучи содержательно биографичными, эти словесные комплексы, как можно видеть, преимущественно посвящены феномену пережитой Владимиром Святославичем внутренней перемены, так или иначе они характеризуют его приход к истинной вере, ко Христу, через отказ от язычества, от веры отцов. Уместно вместе с тем отметить их настоящую идейную обращенность к теме ума, разума, — бесспорно, тенденция, генерированная еще Иларионом [7, с. 35–36, 39]. При этом означенные понятия — ума и разума — трактуются гимнографом вполне тождественно: но не как рефлекс рациональной энергии, не как внутренняя когнитивная сила человека, эмпирически направленная на видимую реальность (что соответствовало бы святоотеческому понятию о «естественном», «плотском» разуме, или рассудке [10, с. 3]), а как ниспосылаемая свыше духовная способность личности к духовному же постижению реальности сокровенной, инобытийной, божественной (что христианские мыслители чаще трактовали, как «ум», или «дух», т. е. как созерцательную способность человека устремляться к Богу [10, с. 5]). Естественна при такой интерпретации и образная суть того, кем в новой службе посредством развернутых эпитетов явлен народу великий Святой: на этой словесной иконе он выглядит как собеседник Господень, провозвестник Божественного разума, осветивший всю Русскую землю светом Божественной премудрости («разумомъ духовнымъ поучаемъ», «разумъ возвысивъ къ Богу», «поучениемъ божественнымъ и мудростию си озаривъ умъ», «Господень разумъ имѣя», «научився... вышнюю премудростию», «благодатью в ней восия Божия разума»). Это совершенно не известный, сравнительно с прежней литературной традицией, взгляд на Владимира Святославича как на сакрального просветителя Руси. И удивительно, что именно такой оценки со стороны составителя новой службы его современники не поняли, не приняли и оставили созданный им текст без внимания, так что он никак не отразился в продолжающейся традиции богослужебного славения великого Киевского князя.

Итак, обзор определений, функционирующих в гимнах Владимиру Святославичу в роли эпитетов, обнаружил тенденции к увеличению, за счет лексической синонимии, их количественной плотности и усложнению их семантической и формальной, или структурной специфики. Но главной тенденцией в развитии этого массива тропов является стремление гимнографов (возможно, полусознательное, связанное с художественной интуицией) к расширению состава и объема метасмыслов, сопряженных с обладающими конкретной семантикой лексемами и фразами, так что поэзия слов и речи (не важно, топосны они или образны) невербально уносила славящих Святого в область умозрительной, идеальной, духовной, горней реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Василик В. В.* Образ святого равноапостольного Владимира как царя в древнерусской гимнографии // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях (Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei). СПб., 2015. Вып. 3. С. 169–175.
- 2 *Василик В. В.* Святой равноапостольный князь Владимир как новый Константин // Русин. 2015. № 4 (42). С. 321–333.
- 3 *Василик В. В.* Служба св. равноапостольному князю Владимиру и Кирилло-Мефодиевская традиция // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2: июль-декабрь. С. 67–77.
- 4 Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. 680 с.
- 5 *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1, ч. 2. 903 с.
- 6 Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик; Волоколамский патерик / изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.
- 7 *Кириллин В. М.* Образ князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гомилиях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). Июнь. С. 35–36, 39.
- 8 *Кривошеева Н. А.* Патриарший курс // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 37.
- 9 *Клосс Б. М.* Житие князя Владимира // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Щапова. СПб.: Блиц, 2003. С. 199–201.
- 10 *Леонов В., прот.* Понятия «Ум», «Разум», «Рассудок» в святоотеческой традиции // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 1–8. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_3_2403.pdf (дата обращения: 17.03.2018).
- 11 *Макарий (Булгаков), еп.* Винницкий. История Русской Церкви: в 12 т. СПб.: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1857. Т. 2. 322 с.
- 12 *Макарий (Булгаков), митр.* Московский и Коломенский. История Русской Церкви: в 7 кн. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). 702 с.
- 13 *Малышевский И. И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. князя Владимира 15 июля? (По поводу вопроса об этом, поставленного в «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского) // ТрКДА. Киев, 1882. Кн. 1. С. 45–69.
- 14 *Милютенко Н. И.* Крещение Руси в гимнографии // ResearchGate GmbH. 2014 URL: <https://www.researchgate.net/publication/271193374> (дата обращения: 13.07.2017).
- 15 *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 576 с.
- 16 *Милютенко Н. И.* Служба святому равноапостольному князю Владимиру // Милютенко Н. И., Василик В. В. Владимир Святой и крещение Руси: Отражения в гимнографии. Б. г. Ч. I. С. 1–221. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144193022.pdf> (дата обращения: 13.07.2017).
- 17 Минея: Июль. М.: Изд. Совет РПЦ, 2002. Ч. 2. 512 с.
- 18 Минея: Ноябрь. М.: Изд. Совет РПЦ, 2002. Ч. 1. 464 с.
- 19 Минея: Сентябрь. М.: Изд. Совет РПЦ, 2002. 924 с.

- 20 Минія місяць іулій. М.: Московский Сретенский монастырь, Изд-во Правило веры, 1996. 640 с.
- 21 Москвин В. П. Эпитет в художественной речи // Русская речь. 2011. № 4. С. 28–32.
- 22 Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX-го века. С двумя таблицами фототипических снимков / изд. Вс. Срезневский. СПб., 1893. С. 68–69, 72.
- 23 Никольский К., свящ. Обзорение богослужебных книг Православной Российской Церкви по отношению их к церковному уставу. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1858. 432 с.
- 24 Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1906. 596 с.
- 25 Памятники византийской литературы IX–XIV веков / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М.: Наука, 1969. 352 с.
- 26 Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. 354 с.
- 27 Петровский М. Эпитет // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. / под. ред. Н. Бродского и др. М.; Л., 1925. Т. 2: П–Я. Стб. 1118–1121.
- 28 Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. / гл. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1984. 406 с.
- 29 Серегина Н. С. Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб.: Российский ин-т истории искусств, 1994. 468 с.
- 30 Славнитский М., свящ. Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник: Восьмой год издания под новой редакцией. СПб., 1888. Т. 2: Май–август. С. 197–237.
- 31 Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. Вып. 1 (А–Б). 371 с.
- 32 Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / сост. И. В. Ягич. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1886. 944 с.
- 33 Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М.: Издат. совет РПЦ, 2008. 544 с.
- 34 Творогов О. В. Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 108–109.
- 35 Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 333 с.
- 36 Федотов Г. П. Канонизация святого Владимира // Владимирский сборник. В память 950-летия Крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 188–196.
- 37 Федотов О. И. Основы теории литературы: в 2 ч. М.: Владос, 2003. Ч. 1: Литературное творчество и литературное произведение. 256 с.
- 38 Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. СПб.: Изд-е И. Л. Тузова, 1884. Кн. 1: 862–1720. С. 23.
- 39 Чернец Л. В. Черная роза или драдедамовый платок (Об эпитете) // Русская словесность. М.: Школьная пресса, 2000. № 1. С. 49–53.

- 40 Джиджора Е. [В.] Архітектоніка образу Хрестителя Русі в Службі князю Володимиру // Науковий збірник Діалог: медіа студії. Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2015. № 21. С. 69–83.

© 2018. Vladimir M. Kirillin

Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF STRUCTURE OF THE EPITHETS
CHARACTERIZING VLADIMIR THE SAINT
IN THE EPONYMOUS OLD RUSSIAN HYMNOGRAPHY

Abstract: This article discusses epithet characteristics of Vladimir the Great, containing in the liturgical texts. Considering the factor of their development, the author reveals similarities and differences in the figurative and evaluative appraisals of the prince in terms of emotional, expressive or intential pathos, the dynamics of the changing figuratively-axiological, spiritual and poetic notions about him, which is expressed by the tendency to increase, by means of lexical synonymy, the quantitative density epithets, as well as the tendency to complicate their semantic and formal or structural specificity. Yet the main in the development of an array of tropes is the hymnographers' aspiration to expanse the structure and volume of the metameanings interfaced to have specific semantics of lexemes and phrases, so that the poetry of words and speech non-verbally took away glorifying the Saint into speculative, ideal, spiritual, heavenly reality.

Keywords: hymnography, church service, simple epithet, difficult epithet, trope, semantic field, an idea, a theme.

Information about author: Vladimir M. Kirillin — DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Str., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: kvladimirm@mail.ru

Received: March 18, 2018

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Kirillin V. M. Development of structure of the epithets characterizing Vladimir the Saint in the eponymous Old Russian hymnography. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 113–136. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Vasilik V. V. Obraz sviatogo ravnoapostol'nogo Vladimira kak tsaria v drevnerusskoi gimnografii [The image of Saint Vladimir as the Tsar in Old Russian hymnography]. *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh (Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei)* [Ancient Rus': time, personalities and ideas (Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei)]. St. Petersburg, 2015, vol. 3, pp. 169–175. (In Russian)
- 2 Vasilik V. V. Cviatoi ravnoapostol'nyi kniaz' Vladimir kak novyi Konstantin [The Holy equiapostolic Prince Vladimir as the new Constantine]. *Rusin*, 2015, no 4 (42), pp. 321–333. (In Russian)
- 3 Vasilik V. V. Sluzhba sv. ravnoapostol'nomu kniazuiu Vladimiru i Kirillo-Mefodievskaia traditsiia [Service of Holy equiapostolic Vladimir and St. Cyril and Methodius tradition]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013, no 2: iul'-dekabr' [July-December], pp. 67–77. (In Russian)

- 4 *Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie* [Introduction to literary studies: Manual], ed. by L. V. Chernets. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2004. 680 p. (In Russian)
- 5 Golubinskii E. E. *Istoriia russkoi tserkvi* [The history of the Russian Church]. Moscow, 1904. Vol. 1. Part 2. 903 p. (In Russian)
- 6 *Drevnerusskie pateriki: Kievo-Pecherskii paterik; Volokolamskii paterik* [Old Russian Paterikon: the Kiev-Pecherskii Paterikon; Volokolamsk Paterik], preparation of the publication by L. A. Ol'shevskaia, S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 38, 42–46. (In Russian)
- 7 Kirillin V. M. Obraz kniazia Vladimira Svyatoslavicha v rannikh drevnerusskikh gomiliakh [The image of Prince Vladimir Svyatoslavich in the early Old Russian homilies]. *Drevniia Rus': Voprosy medievistiki*, 2014, no 2 (56), Iiun' [June], pp. 36, 39. (In Russian)
- 8 Krivosheeva N. A. Patriarskii kurs [Patriarchal course]. *Vestnik PSTGU*, Series 2: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [History Of The Russian Orthodox Church], 2006, vol. 2 (19), p. 37. (In Russian)
- 9 Kloss B. M. Zhitie kniazia Vladimira [The life of Prince Vladimir]. *Pis'mennye pamiatniki istorii Drevnei Rusi: Letopisi. Povesti. Khozhdeniia. Zhitiia. Poslaniia. Annotirovannyi katalog-spravochnik* [Written monuments of the Ancient Rus Chronicles. Story. Walking. Life. Message. Annotated directory-the directory], ed. by Ia. N. Shchapova. St. Petersburg, Blits Publ., 2003, pp. 199–201. (In Russian)
- 10 Leonov V., prot. Poniatiia "Um", "Razum", "Rassudok" v sviatootecheskoi traditsii [The concept of "intelligence", "Reason", "Mind" in patristic tradition]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2011, no 3, pp. 1–8. Available at: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_3_2403.pdf (accessed 17 March 2018). (In Russian)
- 11 Makarii (Bulgakov), ep. Vinnitskii. *Istoriia Russkoi Tserkvi: v 12 t.* [The History Of The Russian Church: in 12 vols.]. St. Petersburg, V tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1857. Vol. 2. 322 p. (In Russian)
- 12 Makarii (Bulgakov), mitr. Moskovskii i Kolomenskii. *Istoriia Russkoi Tserkvi: v 7 kn.* [The History Of The Russian Church. In 7 books.]. Moscow, Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1995. Book 2: Istoriia Russkoi Tserkvi v period sovershennoi zavisimosti ee ot Konstantinopol'skogo patriarkha (988–1240) [History of the Russian Church during its complete dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240)]. 702 p. (In Russian)
- 13 Malyshevskii I. I. Kogda i gde vpervye ustanovleno prazdnovanie pamiati sv. kniazia Vladimira 15 iulia? (Po povodu voprosa ob etom, postavlennogo v "Istorii Russkoi Tserkvi" E. E. Golubinskogo) [When and where was the first celebration of the memory of St. Prince Vladimir on July 15 established? (On the issue raised in the "History of the Russian Church" by E. E. Golubinski)], *TrKDA*. Kiev, 1882, book 1, pp. 45–69. (In Russian)
- 14 Miliutenko N. I. Kreshchenie Rusi v gimnografii [The baptism of Rus in hymnography]. *ResearchGate GmbH*. 2014 Available at: <https://www.researchgate.net/publication/271193374> (accessed 13 July 2017). (In Russian)
- 15 Miliutenko N. I. *Sviatoi ravnoapostol'nyi kniaz' Vladimir i kreshchenie Rusi: Drevneishie pis'mennye istochniki* [The Holy equiapostolic Prince Vladimir and the baptism of Rus': the earliest written sources]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2008. 576 p. (In Russian)

- 16 Miliutenko N. I. Sluzhba sviatomu ravnoapostol'nomu kniazuiu Vladimiru [Service of the Holy equiapostolic Prince Vladimir]. Miliutenko N. I., Vasilik V. V. *Vladimir Sviatoi i kreshchenie Rusi: Otrazheniia v gimnografii* [Milyutenko N. S., Vasylyk V. V. St. Vladimir and the baptism of Rus': reflections in the hymnography]. Part I. S. 1–221. Available at: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144193022.pdf> (accessed 13 July 2017). (In Russian)
- 17 *Minea: Iiul'* [Menaion: July]. Moscow, Izdatel'skii soviet RPTs Publ., 2002. Part 2. 512 p. (In Russian)
- 18 *Minea: Noiabr'* [Menaion: November]. Moscow, Izdatel'skii soviet RPTs Publ., 2002. Part 1. 464 p. (In Russian)
- 19 *Minea: Sentiabr'* [Menaion: September]. Moscow, Izdatel'skii soviet RPTs Publ., 2002. 924 p. (In Russian)
- 20 *Minia mesiats" iulii* [Menaion of month July]. Moscow, Moskovskii Sretenskii monastyr', izdatel'stvo Pravilo very Publ., 1996. 640 p. (In Russian)
- 21 Moskvina V. P. Epitet v khudozhestvennoi rechi [The epithet of the speech]. *Russkaia rech'*, 2011, no 4, pp. 28–32. (In Russian)
- 22 *Musin-Pushkinskii sbornik 1414 goda v kopii nachala XIX-go veka. S dvumia tablitsami fototipicheskikh snimkov* [Musin-Pushkin's collection 1414 in a copy of the beginning of XIX-th century. With two table views in collotype technique], published by Vs. Sreznevskii. St. Petersburg, 1893, pp. 68–69, 72. (In Russian)
- 23 Nikol'skii K., sviashch. *Obozrenie bogoslužebnykh knig Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi po otnosheniiu ikh k tserkovnomu ustavu* [Review of the liturgical books of the Russian Orthodox Church in relation to the Church Constitution]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1858. 432 p. (In Russian)
- 24 Nikol'skii N. K. *Materialy dlia povremennogo spiska russkikh pisatelei i ikh sochinenii (X–XI vv.)* [Materials for the time-phased list of Russian writers and their works (X–XI centuries)]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1906. 596 p. (In Russian)
- 25 *Pamiatniki vizantiiskoi literatury IX–XIV vekov* [Monuments of Byzantine literature of IX–XIV centuries], ex. ed. L. A. Freiberg. Moscow, Nauka Publ., 1969. 352 p. (In Russian)
- 26 Pentkovskii A. M. *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi* [The Typicon of the Patriarch Alexis the Studite in Byzantium and in Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2001. 354 p. (In Russian)
- 27 Petrovskii M. Epitet [Epithet]. *Literaturnaia entsiklopediia: Slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: in 2 vols.], ed. by N. Brodskogo i dr. Moscow, Leningrad, 1925, vol. 2: P–Ia, stb. 1118–1121. (In Russian)
- 28 *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khraniashchikhsia v SSSR: XI–XIII vv.* [The Union catalogue of Slavic-Russian manuscript books, kept in the USSR: the XI–XIII cc.], ch. ed. S. O. Shmidt. Moscow, Nauka Publ., 1984. 406 p. (In Russian)
- 29 Seregina N. S. *Pesnopeniia russkim sviatym: Po materialam rukopisnoi pevcheskoi knigi XI–XIX vv. "Stikhirar' mesiachnyi"* [Chants of the Russian saints: According to the handwritten song books XI–XIX centuries "Month sticherarion"]. St. Petersburg, Sankt-Peterburg Rossijskij in-t istorii iskusstv 1994. 468 p. (In Russian)
- 30 Slavitskii M., sviashch. *Kanonizatsiia sv. kniazia Vladimira i sluzhby emu po spiskam XIII–XVII vv. s prilozheniem dvukh neizdannykh sluzhb po rukopisiam XIII i XVI vv.* [The canonization of St. Prince Vladimir and services for him on the list of

- the XIII–XVII centuries enclosing two unpublished services on the manuscripts of the XIII and XVI centuries]. *Strannik: Vos'moi god izdaniia pod novoi redaktsiei* [The wanderer: Eighth year of publication under a new editor]. St. Petersburg, 1888, vol. 2: Mai-avgust [May-August], pp. 197–237. (In Russian)
- 31 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian language XI–XVII centuries], chief editor S. G. Barkhudarov. Moscow, Nauka Publ., 1975. Vol. 1 (A–B). 371 p. (In Russian)
 - 32 *Sluzhebnye minei za sentiabr', oktiabr' i noiabr': V tserkovnoslavianskom perevode po russkim rukopisiam 1095–1097 g.* [Service Menaion for September, October and November: In Church Slavonic translations of Russian manuscripts of 1095–1097 years], collected by I. V. Iagich. St. Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1886. 944 p. (In Russian)
 - 33 Spasskii F. G. *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo* [Russian liturgical works]. Moscow, Izdatel'skii sovet RPTs Publ., 2008. 544 p. (In Russian)
 - 34 Tvorogov O. V. Grigorii [Gregory]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. I (XI — pervaiia polovina XIV v.)* [Dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus. Vol. I (XI — the first half of the XIV century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 108–109. (In Russian)
 - 35 Tomashevskii B. V. *Teoriia literatury. Poetika* [Literature and literary theory. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 333 p. (In Russian)
 - 36 Fedotov G. P. Kanonizatsiia sviatogo Vladimira [The canonization of St. Vladimir]. *Vladimirskii sbornik. V pamiat' 950-letii Kreshcheniia Rusi. 988–1938* [Vladimir collection. In memory of 950th anniversary of the baptism of Rus. 988–1938]. Belgrad, 1938, pp. 188–196. (In Russian)
 - 37 Fedotov O. I. *Osnovy teorii literatury. V 2 ch* [Fundamentals of the theory of literature. In 2 parts]. Moscow, Vados Publ., 2003. Part 1: Literaturnoe tvorchestvo i literaturnoe proizvedenie [Creative writing and literary work]. 256 p. (In Russian)
 - 38 Filaret (Gumilevskii), arkhiep. *Obzor russkoi dukhovnoi literatury* [Review of Russian spiritual literature]. St. Petersburg, Izdanie I. L. Tuzova, 1884. Book 1: 862–1720. P. 23. (In Russian)
 - 39 Chernets L. V. Chernaia roza ili dradedamovyi platok (Ob epitete) [Black rose or drap-de-dames shawl (On epithet)]. *Russkaia slovesnost'* [Russian literature.]. Moscow, Shkol'naia pressa Publ., 2000, no 1, pp. 49–53. (In Russian)
 - 40 Dzhidzhora E. [V.] Arkhitektonika obrazu Khrestitelia Rusi v Sluzhbi kniazui Volodimiru [The architectonic image of the Baptizer of Rus, in the Service of Prince Vladimir]. *Naukovii zbirnik Dialog: media studii* [Scientific journal Dialogue: the media studio]. Odesa, Odes'kii natsional'nii universitet imeni I. I. Mechnikova Publ., 2015, no 21, pp. 69–83. (In Ukrainian)